

THE DEFINITION OF ANTI-SEMITISM

KENNETH L. MARCUS

OXFORD
UNIVERSITY PRESS

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АНТИСЕМИТИЗМА

КЕННЕТ Л. МАРКУС

4

Universality and Particularity

The Homogenists

Many modern formulations have defined anti-Semitism as a discrete but largely generic form of a more general phenomenon, such as xenophobia or “heterophobia.” That is to say, they have defined anti-Semitism as an aversion toward all difference, implying a preference (explicit or implicit) for homogeneity, rather than a specific form of hatred.¹ This accords with a more general trend to lump together all forms of intergroup antagonism and to extend the category so broadly as to encompass all forms of collective resentment.² Indeed, this approach sees heterophobia as a manifestation of a still wider category of anxieties arising from the feeling that one has no control over one’s situation, that one can neither steer one’s course nor foresee its outcome.

Early Zionists, from Chaim Weizmann to David Ben-Gurion to Vladimir Jabotinsky, regarded anti-Semitism as an extreme version of general xenophobia that emerged from the de-territorialization of the Jewish people throughout the diaspora.³ The theory was that anti-Jewish sentiments had been closely connected to perceptions of Jewish difference or otherness since at least the Book of Esther, which is retold each year in Jewish communities during the festival of Purim. The Zionist solution to this problem was to normalize or de-“other”

4

Универсальность и особенность

Гомогенисты

Многие современные авторы определяют антисемитизм как отдельную, но в целом обобщенную форму более общего явления, такого как ксенофобия или «гетерофобия». Другими словами, они определяют антисемитизм как неприятие любого различия, подразумевающее предпочтение (явное или неявное) однородности, а не как конкретную форму ненависти.¹ Это соответствует более общей тенденции объединять все формы межгруппового антагонизма и расширять категорию настолько широко, чтобы она охватывала все формы коллективного негодования.² Действительно, этот подход рассматривает гетерофобию как проявление еще более широкой категории тревог, возникающих из-за ощущения, что человек не контролирует свою ситуацию, не может ни управлять своим курсом, ни предвидеть его исход.

Ранние сионисты, от Хаима Вейцмана до Давида Бен-Гуриона и Владимира Жаботинского, считали антисемитизм крайней формой всеобщей ксенофобии, возникшей в результате детерриториализации еврейского народа по всей диаспоре.³ Теория заключалась в том, что антиеврейские настроения были тесно связаны с восприятием еврейского своеобразия или инаковости, по крайней мере, со времён Книги Эстер, которую ежегодно пересказывают в еврейских общинах во время праздника Пурим. Сионистское решение этой проблемы заключалось в нормализации или де-«инаковости».

the Jewish people by resettling them in their own homeland. Then Jews would no longer suffer discrimination because they ceased to live at the sufferance of other people. History has not been kind to this theory, inasmuch as anti-Jewish animosity has recurred globally since the establishment of the Jewish state.⁴

A similar view rose in influence within the Jewish communal world immediately after World War II as Jewish Americans sought to assimilate into the broader American culture. Indeed, the adoption by major Jewish organizations of this idea of “the unitary character of prejudice” has been described as one of the hallmarks of the evolution of Jewish communal organizations from Jewish advocacy to intergroup relations.⁵ Under this theory, the prejudiced attitude divides the world into in-groups and out-groups, directing a generally negative mindset toward out-groups. This theory is based on the observation that people who are prejudiced against members of one group tend to be prejudiced against other groups as well.

By 1947 or 1948, this “unitary theory” or homogenism was hardening into an orthodoxy. For example, Stephen S. Wise, as president of the American Jewish Congress, told Congress in 1947 that, “We regard ethnic discrimination, whether directed against Jews, Negroes, Chinese, Mexicans, or any other group, as a single and indivisible problem and as one of the most urgent problems of democratic society.”⁶ In the same year, the American Jewish Committee adopted a resolution resolving “that there is the closest relation between the protection of the civil rights of all citizens and the protection of the civil rights of the members of particular groups.”⁷ The following year, the American Jewish Congress’s then-executive director, David W. Petegorsky, announced that “the campaign against anti-Semitism had to be viewed as part of the much broader struggle against racism in America generally.”⁸

Homogenism became similarly dominant in academia during this period. This is not entirely coincidental, as the Jewish communal world, and especially the American Jewish Committee, funded influential research that articulated this Jewish communal orthodoxy. In particular this took the form of the American Jewish Committee’s five-volume series of *Studies in Prejudice*. These *Studies* were anchored by Horkheimer and Adorno’s landmark treatise on *The Authoritarian Personality*, which was predicated on the notion that anti-Semitism

еврейского народа, переселив его на свою родину. Тогда евреи больше не страдали бы от дискриминации, поскольку перестали жить за счёт терпения других людей. История не была благосклонна к этой теории, поскольку антиеврейская враждебность возобновилась во всём мире с момента создания еврейского государства.⁴

Аналогичная точка зрения усилилась в еврейском сообществе сразу после Второй мировой войны, когда американские евреи стремились ассимилироваться в более широкую американскую культуру. Более того, принятие большинством еврейских организаций идеи «единого характера предрассудков» было названо одним из отличительных признаков эволюции еврейских общинных организаций от защиты еврейских интересов к межгрупповым отношениям.⁵ Согласно этой теории, предвзятое отношение делит мир на «своих» и «чужих», формируя в целом негативное отношение к «чужим». Эта теория основана на наблюдении, что люди, предвзято относящиеся к представителям одной группы, склонны предвзято относиться и к другим группам.

К 1947 или 1948 году эта «унитарная теория», или гомогенизм, превратилась в ортодоксальную теорию. Например, Стивен С. Уайз, президент Американского еврейского конгресса, заявил Конгрессу в 1947 году: «Мы рассматриваем этническую дискриминацию, будь то направленная против евреев, негров, китайцев, мексиканцев или любой другой группы, как единую и неделимую проблему и как одну из самых насущных проблем демократического общества».⁶ В том же году Американский еврейский комитет принял резолюцию, в которой утверждалось, что «существует теснейшая связь между защитой гражданских прав всех граждан и защитой гражданских прав членов отдельных групп».⁷ В следующем году тогдашний исполнительный директор Американского еврейского конгресса Дэвид В. Петегорский заявил, что «кампанию против антисемитизма следует рассматривать как часть гораздо более широкой борьбы с расизмом в Америке в целом».⁸

В этот период гомогенизм также стал доминировать в академической среде. Это не совсем случайно, поскольку еврейский общинный мир, и особенно Американский еврейский комитет, финансировал влиятельные исследования, которые сформулировали эту еврейскую общинную ортодоксальность. В частности, это выразилось в пятитомной серии работ Американского еврейского комитета. *Исследования предубеждений*. Эти *Исследования* были основаны на знаменательном трактате Хоркхаймера и Адорно *Авторитарная личность*, которая была основана на представлении о том, что антисемитизм

“probably is not a specific or isolated phenomenon but a part of a broader ideological framework.”⁹ Horkheimer and Adorno associated extreme prejudice with a new anthropological type, the “authoritarian personality.” According to this theory, the “authoritarian” or “pre-fascist” personality could be identified by a number of personality traits, such as cynicism, conformism, psychological rigidity, a weak grasp on reality, aversion to introspection, and difficulty forming close personal relationships. Conveniently, Horkheimer and Adorno associated this anthropological type with the political views of their adversaries, to wit: illiberalism or “pseudo-conservatism.” Other major works, such as Gordon Allport’s *The Nature of Prejudice*, also supported the unitary theory of prejudice. “If a person is anti-Jewish,” Gordon Allport wrote, “he is likely to be anti-Catholic, anti-Negro, anti any out-group.”¹⁰ Under Horkheimer, Adorno, and Allport’s influence, many scholars tended to view these various antipathies as manifestations of a single “generalized attitude.”

In a strong version of this approach, anti-Semitism is defined as being merely “the dislike of the unlike.”¹¹ Thus, for example, the Italian parliament, in concluding its recent formal inquiry into anti-Semitism, announced that “while it could also be said that all anti-Semites are racists while not all racists are anti-Semites, it is beyond doubt that a racist mentality is what it is because *it is based on categories of thought centering around the idea of a ‘different’ form of humanity, qualitatively superior or inferior*, which therefore accept anti-Semitic theories as possible and justifiable.”¹²

Such definitions treat anti-Semitism as distinguishable only in its objects from other forms of discrimination such as anti-black racism or anti-Hispanic ethnocentricity, rather than identifying a peculiar characteristic of the hatred of Jews. Conceptually, they reveal the common underlying anxieties that arise from the stranger, in the sense that any other being of human life is foreign and dangerous. This often stirs antipathy, which may provoke aggressiveness or defensiveness. If Jews have been more frequently persecuted than other groups, under this theory the reason is merely that they have been more vulnerable, as a small, discrete, insular, and physically powerless group scattered throughout the Christian and Muslim worlds. By focusing on anti-Semitism’s heterophobic aspects, homogenizing definitions are

«вероятно, это не конкретное или изолированное явление, а часть более широкой идеологической структуры». Хоркхаймер и Адорно связали крайние предрассудки с новым антропологическим типом – «авторитарным типом личности». Согласно этой теории, «авторитарную» или «предфашистскую» личность можно было определить по ряду личностных черт, таких как цинизм, конформизм, психологическая ригидность, слабое восприятие реальности, нежелание анализировать себя и трудности в установлении близких личных отношений. Для удобства Хоркхаймер и Адорно связали этот антропологический тип с политическими взглядами своих оппонентов, а именно: с нелиберализмом или «псевдоконсерватизмом». Другие важные работы, такие как работа Гордона Олпорта *Природа предубеждения*, также поддерживали унитарную теорию предрассудков. «Если человек настроен против евреев, — писал Гордон Олпорт, — он, вероятно, будет настроен против католиков, против негров и против любой другой группы».¹⁰

Под влиянием Хоркхаймера, Адорно и Олпорта многие ученые были склонны рассматривать эти различные антипатии как проявления единого «обобщенного отношения».

В строгой версии этого подхода антисемитизм определяется просто как «неприязнь к непохожим».¹¹ Так, например, итальянский парламент, завершая свое недавнее официальное расследование антисемитизма, заявил, что «хотя можно также сказать, что все антисемиты являются расистами, хотя не все расисты являются антисемитами, нет сомнений в том, что расистский менталитет – это то, что он есть, потому что он основан на категориях мышления, сосредоточенных вокруг идеи «иной» формы человечества, качественно более высокой или более низкой, которые поэтому принимают антисемитские теории как возможные и оправданные».¹²

Подобные определения рассматривают антисемитизм как нечто, отличающееся только от других форм дискриминации, таких как расизм против чернокожих или этноцентризм против испаноязычных, а не выявляют особую характеристику ненависти к евреям. Концептуально они раскрывают общие глубинные тревоги, возникающие из-за чужака, в том смысле, что любое другое существо в человеческой жизни является чуждым и опасным. Это часто вызывает антипатию, которая может спровоцировать агрессивность или защитную реакцию. Если евреи подвергались преследованиям чаще, чем другие группы, то, согласно этой теории, причина заключается лишь в том, что они были более уязвимы, будучи небольшой, обособленной, изолированной и физически бессильной группой, разбросанной по всему христианскому и мусульманскому миру. Сосредоточиваясь на гетерофобных аспектах антисемитизма, гомогенизирующие определения

able to perceive not only its continuities with other animus but also the ways in which distrust of otherness can engender negative attitudes toward Jews. This theory also explains why anti-Jewish attitudes sometimes correlate with aversions to other out-groups. For example, prejudices against Jews, Muslims, and gays have all recently risen in the Netherlands.¹³ It is difficult not to see some degree of xenophobia under these conditions.

Some homogenist approaches also square well with grand theories or ideologies. Such theories are typically founded upon the conviction that one cannot resolve any particular social conflict without resolving all of them; that is to say, without resolving the fundamental antagonisms that lie at the roots of them all. Thus, for example, Marxists argue that the rights of women, the condition of the environment, the health of democracy, and the establishment of peace all ultimately require a global resolution without which their underlying conflicts cannot be resolved.¹⁴ Analogous arguments could be found within radical feminism, radical environmentalism, or even some forms of psychoanalysis. In any of these grand theories, anti-Semitism is merely a generic manifestation of a broader phenomenon.

The tendency to blur the lines among forms of prejudice has had practical advantages and uses. Analytically, it facilitated research, particularly in the period immediately following World War II, which demonstrated similarities among the divergent forms of hatred directed at different groups.¹⁵ Politically, it provides a basis for coalition-building activities by various minority groups. The Anti-Defamation League's then-national chairman, Judge Meier Steinbrink, articulated this political argument in 1946, exhorting ADL members that "[t]here must be no cleavage in the ranks of America's millions; as we worked together—all races, religions, creeds, side by side—toward victory, so we must continue to work to cement that victory, to make meaningful the enormous investment in life, limb and labor."¹⁶ This strategy is facilitated by an approach which sees all forms of "racism"—indeed all forms of prejudice, including sexism, agism, and heterosexism—as minor variations on a common social pathology.¹⁷ Legally, it supports the development of parallel regulatory regimes to protect persons who face discrimination under different suspect classifications. In Europe, where Jews are the paradigmatic case of a persecuted minority, other

Способность осознавать не только свою преемственность с другими анимусами, но и то, как недоверие к инаковости может порождать негативное отношение к евреям. Эта теория также объясняет, почему антиеврейские настроения иногда коррелируют с неприятием других аутгрупп. Например, в Нидерландах в последнее время усилились предрассудки против евреев, мусульман и геев.¹³ В этих условиях трудно не заметить проявления ксенофобии.

Некоторые гомогенистские подходы также хорошо согласуются с великими теориями или идеологиями. Такие теории, как правило, основаны на убеждении, что невозможно разрешить ни один конкретный социальный конфликт, не разрешив все остальные, то есть не устранив фундаментальные антагонизмы, лежащие в их основе. Так, например, марксисты утверждают, что права женщин, состояние окружающей среды, жизнеспособность демократии и установление мира в конечном итоге требуют глобального решения, без которого не могут быть разрешены их глубинные конфликты.¹⁴ Аналогичные аргументы можно найти в радикальном феминизме, радикальном энвайронментализме и даже в некоторых формах психоанализа. В любой из этих великих теорий антисемитизм — лишь общее проявление более широкого явления.

Тенденция к размыванию границ между формами предрассудков имела практические преимущества и применение. С аналитической точки зрения она способствовала исследованиям, особенно в период сразу после Второй мировой войны, которые выявили сходство между различными формами ненависти, направленными на разные группы.¹⁵ В политическом плане это создаёт основу для деятельности по созданию коалиций различными группами меньшинств. Тогдашний национальный председатель Антидиффамационной лиги судья Майер Стейнбринк сформулировал этот политический аргумент в 1946 году, призвав членов Антидиффамационной лиги: «[н]е должно быть никакого раскола в рядах миллионов американцев; поскольку мы работали вместе – все расы, религии, вероисповедания, бок о бок – ради победы, мы должны продолжать работать над её укреплением, чтобы сделать осмысленными огромные инвестиции в жизнь, здоровье и труд».¹⁶ Такая стратегия осуществляется с помощью подхода, который рассматривает все формы «расизма» — фактически все формы предрассудков, включая сексизм, дискриминацию по признаку эйджизма и гетеросексизм — как незначительные вариации общей социальной патологии.¹⁷ С юридической точки зрения, это способствует развитию параллельных режимов регулирования для защиты лиц, подвергающихся дискриминации по разным категориям подозреваемых. В Европе, где евреи являются хрестоматийным примером преследуемого меньшинства, другие

historical out-groups may seek legal protections by comparing their lot to the Jewish condition. In the United States, however, where African Americans are the paradigmatic case, other groups tend to achieve protection by comparing their status to that of American blacks.

Understandably, homogenist definitions have proliferated because they serve a number of practical objectives and functions. This is particularly true at times and in places where opposition to the persecution of Jews is perceived to be weaker, standing on its own, than if combined with other forms of anti-racism, multiculturalism, or human rights activity. During the 1950s, when such definitions gained strength, they served an additional function. That is, they allowed Jews to be seen as victims no different than other groups, such as African Americans, and therefore fit with mid-century American hopes for assimilation.¹⁸

The problem with such theories is that they offer no basis for explaining why Jews, rather than some other group, have so often been the victim of scapegoating and projection. One is reminded of the old joke World War I joke about Jews and bicyclists.

POLICE CHIEF: The Jews are responsible for the world's suffering.

DEPUTY: And also the bicyclists.

CHIEF: Why the bicyclists?

It has been said that how quickly you get this joke depends on how comfortable you are with the idea of rounding up the Jews.¹⁹ Anti-Jewish aggression has been so commonplace in so many places and historical periods that may seem to require no explanation.²⁰ Yet a proper understanding of anti-Semitism must indeed supply an explanation.

Shortcomings of the Homogenizing Approach

In the end, these definitions served not so much to broaden academic focus on anti-Semitism, as to eliminate it altogether. When anti-Semitism is reduced to the features which it shares in common with all other prejudices (e.g., the exclusion of a persecuted group from full membership in society or the stigmatization of that group as socially inferior), the frequent result is to minimize the extent of anti-Semitism, since contemporary anti-Semitism does not exhibit to

Исторически аутсайдеры могут искать правовой защиты, сравнивая свою судьбу с положением евреев. Однако в Соединённых Штатах, где афроамериканцы являются типичным примером, другие группы, как правило, добиваются защиты, сравнивая свой статус с положением чернокожих американцев.

Понятно, что гомогенистские определения получили широкое распространение, поскольку они служат ряду практических целей и функций. Это особенно актуально в тех случаях и местах, где сопротивление преследованию евреев само по себе воспринимается слабее, чем в сочетании с другими формами антирасизма, мультикультурализма или правозащитной деятельности. В 1950-х годах, когда такие определения набирали силу, они выполняли и дополнительную функцию. То есть, они позволяли рассматривать евреев как жертв, ничем не отличающихся от других групп, например, афроамериканцев, и, следовательно, соответствовали американским надеждам на ассимиляцию середины века.¹⁸

Проблема подобных теорий в том, что они не дают никаких оснований для объяснения того, почему именно евреи, а не какая-либо другая группа, так часто становились жертвой козлов отпущения и проецирования. Вспоминается старая шутка времён Первой мировой войны о евреях и велосипедистах.

Начальник полиции: Евреи ответственны за страдания мира.

Заместитель: А также велосипедисты.

шеф: Почему велосипедисты?

Говорят, что то, как быстро вы поймете эту шутку, зависит от того, насколько вам нравится идея облав на евреев.¹⁹ Антиеврейская агрессия была настолько обыденным явлением во многих местах и в разные исторические периоды, что, может показаться, не требует объяснений.²⁰ Однако правильное понимание антисемитизма действительно должно давать объяснение.

Недостатки гомогенизирующего подхода

В конечном счёте, эти определения способствовали не столько расширению академического внимания к антисемитизму, сколько его полному устранению. Когда антисемитизм сводится к тем чертам, которые он разделяет со всеми другими предрассудками (например, к исключению преследуемой группы из полноправного членства в обществе или стигматизации этой группы как социально неполноценной), часто результатом становится преуменьшение масштабов антисемитизма, поскольку современный антисемитизм не обнаруживает

a great extent those aspects of racism that it shares in common with other groups.²¹ For example, when the focus of attention shifted to the generalized plight of “disadvantaged peoples” or “people of color,” anti-Semitism fell out of view, since Jews are typically considered to be socio-economically privileged and are now mainly perceived as “white.”

One impact of this thinking was the virtual disappearance of anti-Semitism studies after the golden age of research in the 1940s and 1950s and until the renewed attention that the field has found in the wake of a global resurgence of Jew-hatred since the turn of the twenty-first century. In the interim, anti-Semitism studies were largely replaced first by studies of “generalized prejudice” and then by studies of other groups. Commenting on the impact of homogenizing approaches, one legal scholar penned an academic article entitled, “Whatever Happened to Anti-Semitism?”²² That article observes that “anti-Semitism has faded from our consciousness, in part because theorists began to view anti-Semitism as part of a larger phenomenon of prejudice.”²³ Interestingly, the study of other forms of prejudice did not disappear during this entire period: whole literatures emerged to study discrimination against women, blacks, and other groups. In these literatures, the distinctive forms of each prejudice emerge.

One problem with defining anti-Semitism as a heterophobia, however, is that it fails to reflect the significant differences in complexity between anti-Semitism and other forms of antipathy.²⁴ Taguieff provides a means of accommodating this distinction, observing that simple heterophobia is transformed when a theory is developed that supports resentment directed at another group. He uses the term “xenophobia” to distinguish this “secondary” animus from simple heterophobia. When the respective groups are defined in ethnic terms, he uses the term “ethnocentrism” to describe the secondary animus. By this definition, anti-Semitism can be understood as heterophobia when it is based on an undifferentiated fear of the Jew as the gentile’s “other,” but it becomes xenophobic or ethnocentric when it arises from a belief that Jews are, for example, economically unscrupulous or morally defective.

The most obvious deficiency of such approaches is that they suggest that anti-Semitism may be different from other forms of ethnocentrism or xenophobia only in the choice of persecuted out-group, rather than in the nature or intensity of hatred. To this extent, they fail to account

в значительной степени те аспекты расизма, которые являются общими для нее и других групп.

²¹Например, когда фокус внимания переместился на общее бедственное положение «неблагополучных слоев населения» или «цветных людей», антисемитизм выпал из поля зрения, поскольку евреи, как правило, считаются привилегированными в социально-экономическом отношении и теперь в основном воспринимаются как «белые».

Одним из последствий такого подхода стало фактическое исчезновение исследований антисемитизма после золотого века исследований в 1940-х и 1950-х годах и вплоть до возрождения интереса к этой области в связи с глобальным всплеском ненависти к евреям на рубеже XXI века. В этот период исследования антисемитизма были в значительной степени вытеснены сначала исследованиями «обобщённых предрассудков», а затем исследованиями других групп. Комментируя влияние унифицирующих подходов, один учёный-юрист написал научную статью под названием «Что случилось с антисемитизмом?»²²В статье отмечается, что «антисемитизм исчез из нашего сознания, отчасти потому, что теоретики начали рассматривать антисемитизм как часть более обширного явления предрассудков». ²³Примечательно, что изучение других форм предрассудков не прекратилось в течение всего этого периода: появились целые научные труды, посвящённые дискриминации женщин, чернокожих и других групп. В этих трудах выявляются характерные формы каждого предрассудка.

Однако одна из проблем определения антисемитизма как гетерофобии заключается в том, что оно не отражает существенных различий в сложности между антисемитизмом и другими формами антипатии.²⁴Тагиефф предлагает способ учесть это различие, отмечая, что простая гетерофобия трансформируется, когда разрабатывается теория, поддерживающая обиду, направленную на другую группу. Он использует термин «ксенофобия», чтобы отличить эту «вторичную» враждебность от простой гетерофобии. Когда соответствующие группы определяются в этнических терминах, он использует термин «этноцентризм» для описания вторичной враждебности. Согласно этому определению, антисемитизм можно понимать как гетерофобию, когда он основан на недифференцированном страхе перед евреем как «другим» нееврея, но он становится ксенофобским или этноцентричным, когда возникает из убеждения, что евреи, например, экономически недобросовестны или морально ущербны.

Самый очевидный недостаток таких подходов заключается в том, что они предполагают, что антисемитизм может отличаться от других форм этноцентризма или ксенофобии лишь выбором преследуемой чужой группы, а не характером или интенсивностью ненависти. В этом смысле они не учитывают

for anti-Semitism's distinctive features, including its exceptional virulence. Historian Ben-Zion Netanyahu recognized the difference in intensity when he defined anti-Semitism as an animus that combines "hatred of the other, hatred of the alien and hatred of the weak" but "in a more forceful and consistent form than in any other form of hatred of minorities."²⁵ This recognition of intensity levels is important. Nevertheless, if anti-Semitism differed only in degree from other forms of heterophobia, then one would be justified in lumping them all in together.

Exceptionality

Beyond the question of intensity, anti-Semitism differs from other animus in ubiquity, depth, complexity, and persistence. For this reason, some scholars insist that anti-Semitism is "much more than mere prejudice about or discrimination against Jews."²⁶ Léon Poliakov in his magisterial multivolume history stresses this uniqueness in his definition of "anti-Semitism" as "an effective *sui generis* attitude of the gentiles toward the Jews, an endemic hatred pregnant with explosive outbursts, reducing the children of Israel to pariah status and exposing them, as traditional scapegoats, to numberless and endless massacres."²⁷ Gavin Langmuir expresses a similar insight when he admonishes that the hatred symbolized by Auschwitz must be distinguished in more than intensity from the hostility represented by a swastika on the Eiffel Tower.²⁸ One response to Langmuir's argument has been the observation that many self-styled anti-Semites were horrified by the genocidal excesses of the Holocaust, just as in the period immediately preceding World War I there were many politicians who urged mundane discrimination against the Jews while rejecting more extreme recommendations.²⁹ But this response misses the gist of Langmuir's argument, which is that genocidal anti-Semitism differs from other hatreds because of its potentiality to trigger mass slaughter, even though anti-Semitism does not always manifest with that severity.

Langmuir's comment reflects a recurring theme among those who have struggled to craft a proper definition of this elusive term. To wit: there is an intuition, shared by many engaged in this effort, that any proper definition of anti-Semitism—and certainly any workable

для отличительных черт антисемитизма, включая его исключительную злобность. Историк Бен-Цион Нетаньяху признавал разницу в интенсивности, когда определял антисемитизм как враждебность, сочетающую в себе «ненависть к чужому, ненависть к чужаку и ненависть к слабым», но «в более сильной и последовательной форме, чем в любой другой форме ненависти к меньшинствам».25 Это понимание уровней интенсивности важно. Тем не менее, если бы антисемитизм отличался от других форм гетерофобии только степенью, то было бы оправдано объединить их все в одну группу.

Исключительность

Помимо интенсивности, антисемитизм отличается от других видов враждебности повсеместностью, глубиной, сложностью и устойчивостью. По этой причине некоторые учёные настаивают, что антисемитизм — это «гораздо больше, чем просто предрассудки или дискриминация в отношении евреев».26 Леон Поляков в своем многотомном авторитетном историческом труде подчеркивает эту уникальность, определяя «антисемитизм» как «эффективную *своего рода* Отношение неевреев к евреям, повальная ненависть, чреватая взрывами, низводящая детей Израиля до статуса изгоев и подвергающая их, как традиционных козлов отпущения, бесчисленным и бесконечным резням».27 Гэвин Лэнгмюр высказывает схожую мысль, когда предупреждает, что ненависть, которую символизирует Освенцим, следует отличать не только по интенсивности от враждебности, представленной свастикой на Эйфелевой башне.28 Одним из ответов на аргумент Лэнгмюра стало наблюдение, что многие самопровозглашенные антисемиты были в ужасе от геноцидных крайностей Холокоста, точно так же, как в период, непосредственно предшествовавший Первой мировой войне, было много политиков, которые призывали к повседневной дискриминации евреев, отвергая при этом более радикальные рекомендации.29 Однако этот ответ упускает из виду суть аргументации Лэнгмюра, которая заключается в том, что геноцидный антисемитизм отличается от других форм ненависти из-за своей потенциальной способности спровоцировать массовые убийства, даже если антисемитизм не всегда проявляется с такой серьезностью.

Комментарий Лэнгмюра отражает повторяющуюся тему среди тех, кто пытался дать правильное определение этому трудноуловимому термину. А именно: существует интуитивное понимание, разделяемое многими участниками этой работы, что любое правильное определение антисемитизма — и, конечно же, любое работоспособное

explanatory theory—must account for its exceptionality. That is to say, many scholars recognize that a basic characteristic of anti-Semitism is the extent to which it is fundamentally different in character than other forms of hate or bigotry. Langmuir's notion is that we cannot properly understand anti-Semitism—indeed we cannot properly name it—without conveying something of what has made it capable of such extraordinary evil.

While some will find resonance in this notion of exceptionality, others will reject it as unduly parochial or ethnocentric. In fact, the exceptionality doctrine is not logically necessary to a conclusion that anti-Semitism is a specific phenomenon. The other alternative is to conclude that all forms of hate stand on their own two feet. In this sense, it is precisely as a specific phenomenon that anti-Semitism finds connection with other biases, because they too are incomparably separate. This anti-essentialist position identifies an irreducible plurality in the various struggles that different peoples face, insisting that their articulation in a string of equivalences ignores historical contingencies.³⁰

The Critique of Exceptionalism

Like any doctrine of exceptionality, this approach is controversial. Sociologists debate whether the intensity and endurance of anti-Jewish hostility means that it is different in its basic nature and etiology from animus directed at other groups.³¹ Theories of exceptionalism, such the view the United States has achieved a unique national greatness, are highly controversial in academic circles, just as they are hotly topical in contemporary politics. Exceptionality theories carry particular baggage when applied to any facet of Jewish experience. Like the doctrine of chosenness, to which it runs parallel, the notion of anti-Semitism's exceptionalism has stirred resentment. Moreover, some argue that preoccupation with historical suffering has come to define Jewish identity and Jewish life to an unhealthy extent, squandering resources that would be better invested on other projects.

The critique of exceptionality is sometimes infused, at its extreme points, with anti-Semitism denial or minimization. That is to say, those who insist that anti-Semitism is not exceptional often deny the existence or severity of anti-Semitism. Such arguments are sometimes

объяснительная теория должна учитывать его исключительность. Другими словами, многие учёные признают, что одной из основных характеристик антисемитизма является его фундаментальное отличие от других форм ненависти или нетерпимости. Идея Ленгюра заключается в том, что мы не можем по-настоящему понять антисемитизм — более того, мы не можем дать ему правильное название — не указав хотя бы на то, что сделало его способным на столь необычайное зло.

В то время как некоторые найдут отклик в этой идее исключительности, другие отвергнут её как неоправданно ограниченную или этноцентричную. Фактически, доктрина исключительности не является логически необходимой для вывода о том, что антисемитизм — это определённое явление. Другая альтернатива — заключить, что все формы ненависти существуют на своих собственных ногах. В этом смысле именно как определённое явление антисемитизм обнаруживает связь с другими предубеждениями, поскольку они также несопоставимо отдельны. Эта антиэссенциалистская позиция выявляет нередуцируемую множественность в различных конфликтах, с которыми сталкиваются разные народы, настаивая на том, что их артикуляция в ряду эквивалентностей игнорирует исторические обстоятельства.³⁰

Критика исключительности

Как и любая доктрина исключительности, этот подход спорен. Социологи спорят о том, означает ли интенсивность и устойчивость антиеврейской враждебности, что она отличается по своей сути и этиологии от враждебности, направленной на другие группы.³¹ Теории исключительности, например, представление о том, что Соединённые Штаты достигли уникального национального величия, вызывают острую полемику в академических кругах, равно как и остро актуальны в современной политике. Теории исключительности несут в себе особый груз ответственности применительно к любому аспекту еврейского опыта. Как и доктрина избранности, с которой она сосуществует, концепция исключительности антисемитизма вызывает негодование. Более того, некоторые утверждают, что чрезмерное внимание к историческим страданиям стало определять еврейскую идентичность и еврейскую жизнь в нездоровой степени, растрачивая ресурсы, которые можно было бы вложить в другие проекты.

Критика исключительности порой, в своих крайних проявлениях, проникнута отрицанием или минимизацией антисемитизма. То есть те, кто настаивает на том, что антисемитизм не является чем-то исключительным, часто отрицают существование или серьёзность антисемитизма. Такие аргументы иногда

combined with arguments that anti-Semitism research and advocacy are detrimental to the interests of other groups, especially Palestinian Arabs. For example, the English University and College Union (UCU) once responded to the United Kingdom's Parliamentary Inquiry into Anti-Semitism by assailing the singular inquiry into that subject:

It could be argued that, at a time when racial and religious intolerance generally is on the rise on campus, to inquire into antisemitism alone was misconceived and unhelpful . . . it seems inappropriate to have taken as a topic in isolation at a time when Islamophobia is also on the increase and when the two issues surely need a balanced approach.³²

The UCU provides no explanation for why anti-Semitism and Islamophobia “surely” need a “balanced” approach. The idea has intuitive resonance with some people, and it supports some political projects, but it does not stand up to scrutiny. Anti-Semitism can no more be balanced against Islamophobia than discrimination against lesbians can be balanced against harassment of Puerto Ricans. Those who accept the principle of non-discrimination are compelled to oppose invidious discrimination against all groups, rather than to balance one against the other. Those who resist efforts to fight anti-Semitism ultimately do so for reasons other than balance. Nevertheless, efforts to address anti-Semitism's peculiar virulence are unavoidably met by opposition.

Controversy has increasingly attached even—perhaps especially—to the view that the Holocaust represents a unique evil in human experience.³³ Critics charge that Holocaust obsession has overstated the extent of Jewish suffering, downplayed the suffering of other peoples, distracted attention from current evils, justified Israeli aggression, or aggrandized the Jewish people. The Muslim Council of Britain, for example, has boycotted England's Holocaust Memorial Day for the last decade. The MCB's representatives have protested that Holocaust commemoration ignores other human rights abuses around the world including especially those that they insist are occurring in Palestine.³⁴ The implication, they claim, is that Jewish lives are more valuable than Muslim lives. This argument in turn feeds into a narrative of Jewish racial supremacy.

В сочетании с аргументами о том, что исследования и пропаганда антисемитизма наносят ущерб интересам других групп, особенно палестинских арабов. Например, Союз университетов и колледжей Англии (UCU) однажды отреагировал на парламентское расследование антисемитизма в Великобритании, раскритиковав единственное исследование по этой теме:

Можно утверждать, что в то время, когда расовая и религиозная нетерпимость в учебных заведениях на подъеме, исследовать только антисемитизм было бы неправильно и бесполезно... кажется нецелесообразным рассматривать его как отдельную тему в то время, когда исламофобия также на подъеме и когда эти две проблемы, безусловно, требуют сбалансированного подхода.³²

UCU не объясняет, почему антисемитизм и исламофобия «безусловно» нуждаются в «сбалансированном» подходе. Эта идея интуитивно находит отклик у некоторых людей и поддерживает некоторые политические проекты, но не выдерживает критики. Антисемитизм невозможно противопоставить исламофобии так же, как дискриминацию лесбиянок невозможно противопоставить преследованиям пуэрториканцев. Те, кто принимает принцип недискриминации, вынуждены противостоять возмутительной дискриминации всех групп, а не уравнивать их друг другом. Те, кто сопротивляется борьбе с антисемитизмом, в конечном итоге делают это по причинам, не связанным с балансом. Тем не менее, попытки справиться с особой злобностью антисемитизма неизбежно встречают сопротивление.

Все большую полемику вызывает — а может быть, и особенно — мнение о том, что Холокост представляет собой уникальное зло в истории человечества.³³ Критики утверждают, что одержимость Холокостом преувеличила масштабы страданий евреев, преуменьшила страдания других народов, отвлекла внимание от нынешних бед, оправдала израильскую агрессию и возвеличила еврейский народ. Например, Мусульманский совет Великобритании бойкотировал День памяти жертв Холокоста в Англии в течение последнего десятилетия. Представители Мусульманского совета Великобритании выразили протест против того, что при увековечивании памяти жертв Холокоста игнорируются другие нарушения прав человека во всем мире, в том числе, по их мнению, происходящие в Палестине.³⁴

Они утверждают, что это подразумевает, что жизни евреев ценнее жизней мусульман. Этот аргумент, в свою очередь, подпитывает идею о расовом превосходстве евреев.

Some cultural critics use the term “Holocaust envy” to describe the resentment, the “morbid passion,” which members of such groups express over the amount of attention paid to Jewish victimhood.³⁵ Writing in the tradition of psychoanalyst Jacques Lacan, cultural critic Gabriel Noah Brahm, Jr., theorizes that anti-Zionists not only resent the “enjoyment” that they perceive Jews draw from the memory of their victimhood, but also believe that Jews have stolen from the world at large the similar enjoyment that others would otherwise enjoy from their suffering.³⁶

The alternative has been to globalize and generalize the concept of the “Holocaust,” using the term to denote crimes against humanity throughout the world.³⁷ In this way, the “Holocaust” is transformed from a specific historical event to a universal symbol of human suffering. Thus, some people speak of a “black Holocaust,” an “Indian Holocaust,” a “Ukrainian Holocaust,” and even a “Homocaust,” to name just a few. Most of all, activists speak of a “Palestinian Holocaust,” aiming to undermine support for the Jewish state by accusing Jews of committing precisely the crimes that were committed against them. This generalization is unnecessary, since another term was coined to do the work that Holocaust minimizers want the word “Holocaust” to do. Specifically, the term “genocide” was coined as a generic term to describe the elimination of any population group, while the term “Holocaust” emerged for the extermination of European Jews between 1938 and 1945.

The “Jew” as “Exceptional Signifier”

Sadly enough, serious thought about anti-Semitism’s exceptionality, as it transpires in French philosophical circles and in American academia, can also be invested with deeper antipathies. This is unfortunate because, as we shall see, this problem occurs conspicuously in some works that are, in other respects, promising for an elucidation of this phenomenon. In the philosophy of Alain Badiou, the ongoing debate over the very word “Jew” boils down to a question of “whether or not, in the general field of public intellectual discussion, the word ‘Jew’ constitutes an exceptional signifier, such that it would be legitimate to make it play the role of a final, or even sacred, signifier.”³⁸ That is to say, this

Некоторые культурные критики используют термин «зависть к Холокосту», чтобы описать негодование, «нездоровую страсть», которую члены таких групп выражают по поводу того внимания, которое уделяется еврейской жертвенности.³⁵ Культуролог Габриэль Ноа Брам-младший, пишущий в духе психоаналитика Жака Лакана, выдвигает теорию о том, что антисемиты не только негодуют по поводу «удовольствия», которое, по их мнению, евреи получают от воспоминаний о своей жертвенности, но и считают, что евреи украли у всего мира аналогичное наслаждение, которое другие могли бы получить от их страданий.³⁶

Альтернативой стала глобализация и обобщение концепции «Холокоста», использование этого термина для обозначения преступлений против человечности во всем мире.³⁷ Таким образом, «Холокост» превращается из конкретного исторического события в универсальный символ человеческих страданий. Некоторые говорят о «чёрном Холокосте», «индейском Холокосте», «украинском Холокосте» и даже о «гомокосте», и это лишь некоторые из них. Чаще всего активисты говорят о «палестинском Холокосте», стремясь подорвать поддержку еврейского государства, обвиняя евреев в совершении именно тех преступлений, которые были совершены против них. Такое обобщение излишне, поскольку для выполнения той функции, которую минимизаторы Холокоста хотят видеть в слове «Холокост», был придуман другой термин. В частности, термин «геноцид» был придуман как общее понятие для описания уничтожения любой группы населения, в то время как термин «Холокост» появился для обозначения уничтожения европейских евреев в период с 1938 по 1945 год.

«Еврей» как «исключительное обозначение»

К сожалению, серьёзные размышления об исключительности антисемитизма, как это происходит во французских философских кругах и в американской академической среде, могут также быть связаны с более глубокой антипатией. Это печально, поскольку, как мы увидим, эта проблема заметно проявляется в некоторых работах, которые в других отношениях многообещающи для прояснения этого феномена. В философии Алена Бадью продолжающиеся дебаты вокруг самого слова «еврей» сводятся к вопросу о том, «является ли слово „еврей“ исключительным означающим в общем поле публичной интеллектуальной дискуссии, настолько, что было бы правомерно отводить ему роль конечного или даже сакрального означающего».³⁸ То есть, это

leading French philosopher argues that much public debate about the nature of anti-Semitism turns on whether the term “Jew” should play an exceptional, ultimate, or “sacred” role in Western languages. This proposition, so stated, cannot be reasonably maintained, and Badiou has no difficulty dispatching it, because it makes an extreme caricature out of the homogenist position. What is troubling about this analysis is the direction in which Badiou and his protégés take it.

Badiou’s “exceptional signifier” argument provides that the radical evil of the Nazi genocide not only establishes the “Jew” as the archetypal Other, but also insulates the Jewish people from criticism.³⁹ Thus, Badiou argues that this “exceptional-signifier” argument has been deployed to protect Israel against fallout for its alleged colonialism, militarism, invasion, massacres, and even genocide.⁴⁰ The position that Badiou attributes to certain Jewish writers is as easy to reject, even to mock, as any straw man, not only as the symptom of an errant victimology, but also as an inherently anti-egalitarian ideology. Conceptually, it also presents various philosophical problems concerning, for example, the possibility, comprehensibility and speakability of radical evil.⁴¹

Unfortunately, this characterization of the “exceptional signifier” updates, amplifies, and extends certain traditional anti-Semitic stereotypes. In a nutshell, Badiou’s argument boils down to this: since the Holocaust, Jews have monopolized the global supply of moral capital and used this power to exploit the vulnerable Arab minority living among them. This argument relies on stereotypes of the Jew as greedy, conspiratorial, power-hungry, and corrupt. Indeed, it is little more than a dressed-up version of every anti-Semitic diatribe that has distorted the doctrine of chosenness as a petard on which to hoist the Jewish people. There is however also something new at play in the way that Badiou splices these old defamations with newer canards about Jewish colonialism, militarism, and racism.

This is seen even more clearly in the work of Badiou’s protégé, Cécile Winter, who contributes an illuminatingly entitled essay to Badiou’s *Polemics*: “The Master-Signifier of the New Aryans: What Made the Word ‘Jew’ into an Arm Brandished Against the Multitude of ‘Unpronounceable Names?’”⁴² As the title suggests, Winter extends Badiou’s analysis to argue that Israeli Jews have exploited the moral power which Nazi criminality imparted to the very name of “Jew,”

Ведущий французский философ утверждает, что значительная часть общественных дебатов о природе антисемитизма вращается вокруг вопроса о том, должен ли термин «еврей» играть исключительную, абсолютную или «священную» роль в западных языках. Это утверждение, сформулированное таким образом, не может быть обоснованно поддержано, и Бадью без труда опровергает его, поскольку оно превращает гомогенистскую позицию в крайнюю карикатуру. Тревогу в этом анализе вызывает направление, в котором его развивают Бадью и его подопечные.

Аргумент Бадью об «исключительном означающем» предполагает, что радикальное зло нацистского геноцида не только утверждает «еврея» как архетипического Другого, но и изолирует еврейский народ от критики.³⁹ Таким образом, Бадью утверждает, что этот аргумент об «исключительном значении» был использован для защиты Израиля от последствий его предполагаемого колониализма, милитаризма, вторжения, массовых убийств и даже геноцида.⁴⁰ Позицию, приписываемую Бадью некоторым еврейским писателям, так же легко отвергнуть и даже высмеять, как любое соломенное чучело, не только как симптом ошибочной виктимологии, но и как по сути своей антиэгалитарной идеологии. Концептуально она также поднимает различные философские проблемы, касающиеся, например, возможности, постижимости и выразительности радикального зла.⁴¹

К сожалению, эта характеристика «исключительного означающего» актуализирует, усиливает и расширяет некоторые традиционные антисемитские стереотипы. Вкратце, аргумент Бадью сводится к следующему: после Холокоста евреи монополизировали глобальный запас морального капитала и использовали эту власть для эксплуатации уязвимого арабского меньшинства, живущего среди них. Этот аргумент опирается на стереотипы о евреях как о жадных, склонных к заговорам, властолюбивых и коррумпированных существах. По сути, это не более чем приукрашенная версия любой антисемитской тирады, искажающей доктрину избранности, превращая её в петарду, на которую можно подставить еврейский народ. Однако есть и нечто новое в том, как Бадью сшивает эти старые клеветнические обвинения с новыми байками о еврейском колониализме, милитаризме и расизме.

Это еще более отчетливо видно в работе протееже Бадью, Сесиль Винтер, которая написала эссе с красноречивым названием для книги Бадью *Полемика*: «Главный означающий новых арийцев: что превратило слово «еврей» в оружие, направленное против множества «непроизносимых имён»?»⁴² Как следует из названия, Винтер расширяет анализ Бадью, утверждая, что израильские евреи эксплуатировали моральную силу, которую нацистская преступность придала самому слову «еврей»,

wielding it as a weapon against a disempowered, vulnerable population whose lives (and names) lack meaning in the “Jewish” understanding. Thus Winter argues that the sacralized post-Holocaust name of “Jew” has been used to defend a “colonial situation, a terrible situation, with racist laws, apartheid, colonizers with free rein,” et cetera.⁴³

In identifying contemporary “Jews” as “new Aryans,” Winter (and Badiou) take yet another step, justifying the tendency of among some progressives to castigate Jews for their putative “hyper-whiteness.” Winter argues that Holocaust memorialization in works such as Claude Lanzmann’s *Shoah* documentary functions as a “transcendental overqualifier,” which shapes the way in which the name of “Jews” is understood, marking Jews as either more or less than human. The function of this argument is to fuse traditional anti-Jewish stereotypes with qualities associated with the iniquities of white supremacy and colonialism. In this way, Badiou and Winter’s treatment of the name of the “Jew” symbolically connects historical anti-Jewish canards with the symbolic equivalents of the same despised qualities that we observed in our consideration of the anti-Semitic imaginary. This is the logical end-point of certain critiques of homogenism.

Anti-Semitism as a Nodal Point

There is a third possibility, which is that anti-Semitism is neither a discrete phenomenon nor a mere generic manifestation. Rather, anti-Semitism may be the paradigmatic case of a broader ideological structure that it makes possible. In this argument, anti-Semitism is the nodal point that quilts together a multitude of proto-ideological elements or floating signifiers and fixes their meaning.⁴⁴ Slavoj Žižek, Ernesto Laclau, and Chantal Mouffe have developed this idea of ideological nodal points, drawing on the psychoanalytic work of Jacques Lacan and the linguistics of Ferdinand Saussure, to explain how meaning is established within the free flow of signification by certain privileged signifiers that fix meaning within a signifying chain.⁴⁵ Žižek explains that ideology consists of a multitude of elements that may be defined in various ways. He has cogently described the central role that anti-Semitism has traditionally played in uniting these elements, even if he has failed to grasp the similar role that anti-Zionism has played.

используя его как оружие против бесправного, уязвимого населения, чьи жизни (и имена) лишены смысла в «еврейском» понимании. Таким образом, Винтер утверждает, что сакрализованное после Холокоста имя «еврей» использовалось для защиты «колониальной ситуации, ужасной ситуации с расистскими законами, апартеидом, колонизаторами, имеющими полную свободу действий» и так далее.⁴³

Называя современных «евреев» «новыми арийцами», Винтер (и Бадью) делает ещё один шаг, оправдывая тенденцию некоторых прогрессивистов критиковать евреев за их предполагаемую «гипербелизну». Винтер утверждает, что увековечение памяти Холокоста в таких произведениях, как «Гипербелизна» Клода Ланцмана, *Шоа* Документальный фильм выполняет функцию «трансцендентального сверхопределителя», формируя понимание слова «еврей», маркируя евреев как нечто большее или меньшее, чем просто люди. Цель этого аргумента — соединить традиционные антиеврейские стереотипы с качествами, связанными с беззакониями превосходства белой расы и колониализма. Таким образом, трактовка слова «еврей» Бадью и Уинтером символически связывает исторические антиеврейские выдумки с символическими эквивалентами тех же презираемых качеств, которые мы наблюдали при рассмотрении антисемитского воображаемого. Это логическая конечная точка некоторых критических замечаний по поводу гомогенизма.

Антисемитизм как узловая точка

Существует третья возможность, согласно которой антисемитизм не является ни отдельным феноменом, ни просто общим проявлением. Скорее, антисемитизм может быть парадигматическим примером более широкой идеологической структуры, которую он делает возможной. В этом аргументе антисемитизм выступает в качестве узловой точки, объединяющей множество протоидеологических элементов или колеблющихся означающих и фиксирующей их значение.⁴⁴Славой Жижек, Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф развили эту идею идеологических узловых точек, опираясь на психоаналитические работы Жака Лакана и лингвистику Фердинанда Соссюра, чтобы объяснить, как значение устанавливается в свободном потоке обозначения определенными привилегированными означающими, которые фиксируют значение в означающей цепочке.⁴⁵Жижек объясняет, что идеология состоит из множества элементов, которые можно определить по-разному. Он убедительно описал центральную роль антисемитизма, традиционно игравшую в объединении этих элементов, хотя и не смог осознать аналогичную роль антисиионизма.

The “nodal points” in an ideological field fix their meaning and tie them together in a manner that appears coherent. Žižek provides the clearest explanation of how this is done:

Ideological space is made of non-bound, non-tied elements, ‘floating signifiers’, whose very identity is ‘open’, overdetermined by their articulation in a chain with other elements—that is, their ‘literal’ signification depends on their metaphorical surplus-signification. *Ecologism*, for example: its connection with other ideological elements is not determined in advance; one can be a state-oriented ecologist (if one believes that only the intervention of a strong state can save us from catastrophe), a socialist ecologist (if one locates the source of merciless exploitation of nature in the capitalist system), a conservative ecologist (if one preaches that man must again become deeply rooted in his native soil), and so on; *feminism* can be socialist, apolitical; even *racism* could be elitist or populist . . . The quilting performs the totalization by means of which this free floating of ideological elements is halted, fixed—that is to say, by means of which they become parts of the structured network of meaning.⁴⁶

To recognize that anti-Semitism is a “nodal point” is to observe that it gives specificity to related ideological elements while giving unity to an assemblage of otherwise unrelated political stances.

This observation helps us to understand how anti-Semitism has functioned, at various times and places, as a cultural code for resistance to a broader range of social developments. For example, nineteenth-century European anti-Semitism functioned as a code for the political identity of those who opposed modernity, while twenty-first-century right-wing Hungarian anti-Semitism serves as a code for opposition to parliamentary democracy.⁴⁷ In the same way, contemporary left-wing anti-Israelism serves as a code for opposition to globalism, Americanism, or Western liberalism.⁴⁸ In each case, anti-Semitism has sutured a broad range of hostilities.

Anti-Semitism serves as a “nodal point” in the sense that it provides a central inexplicable figure by means of which everything else can be explained. “All comes from the Jew,” as Édouard Drumont wrote in a bestselling nineteenth-century tract, and “all returns to the Jew.”⁴⁹

«Узловые точки» идеологического поля фиксируют их значение и связывают их воедино таким образом, чтобы они казались связными. Жижек даёт самое ясное объяснение того, как это происходит:

Идеологическое пространство состоит из несвязанных, не связанных между собой элементов, «плавающих означающих», сама идентичность которых «открыта», сверхопределена их сочленением в цепочке с другими элементами, то есть их «буквальное» значение зависит от их метафорического избыточного значения. *Экологизм*, например: его связь с другими идеологическими элементами не определена заранее; можно быть государственно-ориентированным экологом (если верить, что только вмешательство сильного государства может спасти нас от катастрофы), социалистическим экологом (если искать источник беспощадной эксплуатации природы в капиталистической системе), консервативным экологом (если проповедовать, что человек должен снова глубоко укорениться в родной почве) и т. д.; *феминизм* может быть социалистическим, аполитичным; *даже расизм* может быть элитарным или популистским... Стеганое одеяло осуществляет тотализацию, посредством которой это свободное движение идеологических элементов останавливается, фиксируется — то есть посредством которой они становятся частями структурированной сети смысла.⁴⁶

Признать, что антисемитизм является «узловой точкой», значит заметить, что он придаёт специфичность связанным идеологическим элементам, одновременно придавая единство совокупности в остальном не связанных между собой политических позиций.

Это наблюдение помогает нам понять, как антисемитизм в разные времена и в разных местах функционировал как культурный код сопротивления более широкому спектру социальных изменений. Например, европейский антисемитизм XIX века служил кодом политической идентичности тех, кто выступал против современности, а венгерский антисемитизм правого крыла XXI века служит кодом сопротивления парламентской демократии.⁴⁷ Точно так же современный левый антиизраилизм служит кодом для противостояния глобализму, американизму или западному либерализму.⁴⁸ В каждом случае антисемитизм порождает широкий спектр враждебности.

Антисемитизм служит «узловой точкой» в том смысле, что он представляет собой центральную, необъяснимую фигуру, посредством которой можно объяснить всё остальное. «Всё исходит от еврея», — писал Эдуар Дрюмон в своём бестселлере XIX века, — «всё возвращается к еврею».⁴⁹

Similarly, in Nazi ideology, the “Jew” was seen as the central evil figure who “pulls the strings” behind the scenes to create all of the world’s great problems, from social disintegration to economic crisis to moral decadence.⁵⁰ In the same way, the ideology of contemporary Muslim anti-Semitism sees the Jews as the source of all supposed catastrophes, even those that appear to be entirely unrelated, such as Marxism, psychoanalysis, materialism, pornography, sociology, sexual permissiveness, and the degradation of morals.⁵¹ “There is no disaster in the world that was not caused by the Jews,” wrote journalist Safaa Saleh in 2011 in the Egyptian government newspaper *Al-Gumhouryya*.⁵²

In the same manner, the ideology of anti-Israelism has fixed otherwise free-floating elements of the contemporary global left. Anti-Zionism has been closely related to elements within a diverse set of intellectual currents, ranging from Third Worldism and Islamism to Marxism, post-Marxism, post-colonialism, postmodernism, multiculturalism, and even certain strains of feminism.⁵³ Such intellectual trends have helped to form the intellectual and political identities of at least the last two generations of Western academics, especially in the humanities and social sciences.⁵⁴ Ernest Sternberg explains the phenomenon in his classic article on “Purifying the World.” Echoing the old joke about Jews and bicyclists, Sternberg asks, “Why Israel?” The clue, Sternberg suggests, is in the astonishing variety of groups held together in the new anti-Western coalition: post-Christian humanitarians, third-worldists, Islamists, Arab Nationalists, and anti-globalizers of various sorts. “This,” Sternberg explains, “is the movement’s ticklish problem: how to keep so much diversity in check. If Empire is too abstract as a nemesis, and the United States seems too formidable, Israel represents a scapegoat manageable enough in size, and devilish enough in the popular imagination.”⁵⁵

Аналогичным образом в нацистской идеологии «еврей» рассматривался как центральная злая фигура, которая «дергает за ниточки» за кулисами, создавая все величайшие мировые проблемы — от социальной дезинтеграции до экономического кризиса и морального упадка.⁵⁰ Точно так же идеология современного мусульманского антисемитизма видит в евреях источник всех предполагаемых катастроф, даже тех, которые, казалось бы, совершенно не связаны между собой, таких как марксизм, психоанализ, материализм, порнография, социология, сексуальная вседозволенность и падение нравов.⁵¹ «Нет ни одной катастрофы в мире, которая не была бы вызвана евреями», — написала журналистка Сафаа Салех в 2011 году в египетской правительственной газете *Аль-Гумхурийя*.⁵²

Точно так же идеология антиизраилизма закрепила в остальном свободно колеблющиеся элементы современного глобального левого движения. Антисионизм был тесно связан с элементами самых разных интеллектуальных течений, от «третьего мира» и исламизма до марксизма, постмарксизма, постколониализма, постмодернизма, мультикультурализма и даже некоторых направлений феминизма.⁵³ Подобные интеллектуальные тенденции способствовали формированию интеллектуальной и политической идентичности по крайней мере двух последних поколений западных ученых, особенно в области гуманитарных и социальных наук.⁵⁴ Эрнест Штернберг объясняет этот феномен в своей классической статье «Очищение мира». Вторя старой шутке о евреях и велосипедистах, Штернберг задаётся вопросом: «Почему Израиль?» Разгадка, по мнению Штернберга, кроется в поразительном разнообразии групп, объединившихся в новую антизападную коалицию: постхристианские гуманисты, сторонники третьего мира, исламисты, арабские националисты и антиглобалисты всех мастей. «В этом, — объясняет Штернберг, — и заключается щекотливая проблема движения: как сдерживать такое разнообразие. Если Империя — слишком абстрактный враг, а Соединённые Штаты кажутся слишком грозными, то Израиль представляет собой козла отпущения, достаточно управляемого по размеру и достаточно дьявольского в массовом воображении».⁵⁵